

Москва — Петушки — Urbanculture

Литература

«Вы спросите, что хорошего в этой книге? И я вам отвечу – в этой книге очень хорошие цитаты. Там весь текст одни сплошные цитаты. Куда не глянь – сразу цитата образуется. »

— Анонимус

«**Москва — Петушки**» — автобиографическая поэма в прозе широко известного писателя-эрудита Венедикта Ерофеева. Вопреки мнению недалёкого большинства, посвящена она вовсе не бухлу и унынию, а самому настоящему «хождению по мукам» и «деяти кругам ада», пройденным когда-то самим писателем. Петушки для лирического героя поэмы — не просто конечная станция, а самая настоящая цель, к которой он идёт не столько по ходу движения собаки, сколько на протяжении всей жизни, так как время в этой поэме вообще эфемерно и никак не дискретно. Такая особенность в той или иной степени свойственна всем писателям-поэтам 30—70-х годов. Эти злополучные Петушки — просто ширма; настоящее — семейное счастье, спокойствие и конец гонений.

Поэма представляет собой сборник неевдофилософских измышлений автора о жизни, Б-ге, алкоголе, любви и обо всём, что приходит в его голову во время следования одноименной электрички. Несмотря на очень нехитрый сюжет, доставляет поиском глубинного смысла, специфическим алкогольным юмором, размышлением над рядовыми событиями в стиле кантовской философии. Поэма содержит огромное количество цитат и выражений, которые стали, так сказать, мемами той эпохи.

Советская действительность

В общем-то, ей пропитано всё произведение. При этом предполагается, что читатель — современник Ерофеева: все советские бытовые мелочи не описываются, но анализируются, либо пропитываются эмоциями, переживаниями персонажа по их поводу. Даже элементы алкоголизма — поиск алкоголя, знаменитые коктейли Венички, прижимаемый к сердцу заветный чемоданчик — всё есть элементы быта коренного обитателя сссрии.

«О, тщета! О, эфемерность! О, самое бессильное и позорное время в жизни моего народа — время от рассвета до открытия магазинов! Сколько лишних седин оно вплело во всех нас, в бездомных и тоскующих шатенов. »

— Москва, Площадь Курского вокзала

Рассказ о работе в главе «Новогиреево» также показывает видение именно жителя позднесоветского времени:

«До меня наш производственный процесс выглядел следующим образом: с утра мы садились и играли в сику, на деньги (вы умеете играть в сику?). Так. Потом вставляли, разматывали барабан с кабелем, и кабель укладывали под землю. А потом — известное дело: садились, и каждый по-своему убивал свой досуг, ведь все-таки у каждого своя мечта и свой темперамент. Один — вермут пил, другой, кто попроще, — одеколон «свежесть», а кто с претензией — пил коньяк в международном аэропорту Шереметьево. И ложились спать. »

— видение правильного производства

Присутствуют лень, желание просто отбыть рабочее время. Можно отметить некоторую праздность и

безысходность. Нет какой-либо цели, желания достичь результата. Тоска, убивание времени и алкоголь. Но Ерофеев вносит в это определенный псевдофилософский оттенок.

Коктейли от Венички

Автор грешит тем, что создаёт из имеющихся напитков смеси разной степени годности, зачастую добавляя туда компоненты, которые современный человек в здравом рассудке употребить бы побоялся: политура и лак для ногтей например. Но советский человек, ограниченный имеющимся ассортиментом, количеством денег и страдающий от невозможности купить, становится изобретателем. Также доставляют названия новых напитков. Иногда присутствуют библейские темы: «Ханаанский бальзам», например. Некоторые названия пропитаны тем же псевдофилософским смыслом. Веничка видит себя алхимиком, смешивая различные виды магазинного пойла с денатуратом и средствами бытовой химии и парфюмерии. К примеру:

Денатурат — 100 г.

Бархатное пиво — 200 г.

Политура очищенная — 100 г.

Свойства некоторых компонентов он описывает отдельно, показывая влияние их на сознание позднесоветского алхимика:

«Ландыш», например, будоражит ум, тревожит совесть, укрепляет правосознание. А «белая сирень», напротив того, успокаивает совесть и примиряет человека с язвами жизни.

Веня-Венечка и филфаки

Ерофеев с юных лет отличался невъезженной эрудицией и неслабо прокачанным скиллом бытописателя. Кроме того, школу он закончил с золотой медалью, потому и поступил на филфак МГУ, из которого был, однако, благополучно отчислен. Затем Венечка поочерёдно учился в Орехово-Зуево, Коломне и Владимире, всё дальше отдаляясь от насквозь пропитанной грехом Москвы. Несмотря на то, что отовсюду писателя отчисляли, в памяти сокурсников и преподавателей он остался ярким и интересным человеком, приятным собеседником и всё в таком духе.

И ныне постаревшие однокурсники писателя, ставшие преподами-мастодонтами, вспоминают его словами: «Ах, Венечка, Венечка».

Так во Владимире на здании филфака утановлена мемориальная доска в честь автора поэмы. Алсо, сам владимирский филфак, давший миру годных исследователей, чьи имена известны во всем мире, в 2016 году прекратит свое существование. Обыдлившись вконец, факультет последние годы выпускал откровенных идиотов, чья «деятельность» сводится к участию в КВНах различной степени унылости, а также молодежных акциях. Дух Ъ-филфака «за 101 км» исчез полностью.

Ерофеев и бухло

Ерофеев, в пику расхожему мнению, вовсе не был алкашом. Конечно, выпить он, как и любой уважающий себя советский человек, любил. Но запойным никогда не был. Зато был редкостным троллем, заставившим поверить всех в такую откровенную чушь, как пристрастие к алкоголю. Судьба у него тяжёлая, правда, но это всё последствия репрессий над отцом-антисоветчиком. И то, что из Москвы писателю пришлось надолго удалиться, — тоже не его вина. А вот то, что как автор Венечка был не просто популярен, а ещё и востребован (причём не только в СССР), говорит скорее о способностях и трудолюбии.

Цитаты

«Все на свете должно происходить медленно и неправильно, чтобы не сумел загородиться человек, чтобы человек был грустен и растерян. »

— Москва. Курский вокзал

«Смесь самогона с 33-м портвейном — это «поцелуй, насильно данный», или проще, «поцелуй без любви», или еще проще, «Инесса Арманд».

Да мало ли разных «поцелуев»! »

«... И немедленно выпил ... »

— Единственная цензурная фраза из одной из глав^[1].

См. также

- [Сайт](#), посвящённый поэме и её автору

Примечания

- ↑ Собственно, она и красуется на единственной странице печатного варианта